

Д.Б. Соловьёв

ИСТОРИЯ ПОИСКА БРАТСКИХ МОГИЛ 1812 г. НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ

В Советской России серьезный интерес к событиям Бородинского сражения вернулся лишь накануне 150-й годовщины сражения. В целях поддержки в гражданах патриотических настроений, возникших в период Великой Отечественной войны, руководство страны обратилось к историческим аналогиям всенародной борьбы с интервентами.

К этому крупному юбилею на Бородинском поле были отреставрированы памятники, возведенные еще в 1912 г., установлены памятные знаки, отмечавшие места захоронений павших воинов, хотя в реальности сами могилы найдены еще не были. Однако нельзя сказать, что попытки поиска погребений не предпринимались.

Поиск захоронений Н.И. Ивановым

Документально зафиксированным подтверждением начала натурных исследований, т.е. реальным прикосновением к останкам павших на Бородинском поле, можно считать работы архитектора-реставратора Николая Ивановича Иванова (1923–2006)¹.

В 1961 г., когда он приступил к своим исследованиям, информация о местоположении братских могил была утеряна. Для поиска погребений Н.И. Иванов использовал план Кожевникова и Гришкевича, который был опубликован в путеводителе по Бородинскому полю, изданный в 1912 г.²

К плану было дано краткое пояснение:

«Существенное отличие предлагаемого плана „Бородина“ от бывших военно-топографических съемок (1839, 1853 и 1892 года) то, что

это первый план, изданный по инструментальной (только что произведенной) съемке, в которой горизонтали проведены точно по высотам, рассчитанным от нивелирной марки, имеющейся на водокачке станции Бородино.

Кроме того: на плане обозначены все сохранившиеся до сих пор укрепления и окопы, показаны места тех братских могил, которые еще на памяти старожилов (со слов очевидцев, местные жители говорят, что после Бородинского сражения в д. Шевардине все овинные ямы были наполнены трупами. Ямы тогда засыпали, а теперь часто при постройках находят массу костей), и, наконец, показаны памятники, сооруженные войсковыми частями, закладка которых была произведена до окончания съемки...

*Корпуса военных топографов
Капитан Кожевников»*

На этом плане крестиками были отмечены места 16 могил, сохранившихся на тот момент:

- Южнее Утицкого Кургана – 4 могилы;
- На восточном берегу ручья Огник – 4 могилы;
- На южном берегу ручья Стонец – 2 могилы;
- Близ пруда на р. Стонец, восточнее д. Псареве – 1 могила;
- В Утицком лесу восточнее Спасо-Бородинского монастыря – 5 могил.

Спустя 50 лет все приметы и ориентиры вышеописанных могил, по которым можно было восстановить их местоположение, исчезли, Утицкий лес поменял очертания.

Одна из могил, обозначенная на плане Кожевникова и Гришкевича восточнее Спасо-Бородинского монастыря, располагалась в створе северо-восточной стены обители. Весной 1962 г., пока лес был еще редкий, Н.И. Иванов мысленно продолжил линию забора и, используя ее как ориентир для выдерживания направления, направился к опушке леса. Среди деревьев исследователь увидел валоподобное образование, имевшее в плане трапециевидную форму (8 x 11 x 15 м) высотой 0,7–0,8 м. Внутренняя часть земной поверхности в пределах контура была практически вровень с уровнем почвы в лесу. Поросшая вековыми дубами обваловка была явно старше 1941 г., да и по форме сильно отличалась от землянок и блиндажей времен Великой Отечественной войны. Данный объект условно был назван «братская могила № 1». Отмеченные на

этом же азимуте, по плану Кожевникова и Гришкевича, расположенные в 50 м друг от друга еще две братские могилы обнаружены не были.

В 1963 г. поиск был продолжен. Стало ясно, что искать братские захоронения нужно с учетом того, что граница леса за полвека отодвинулась на север почти на 150 м – так разросся лес. Кроме того, при внимательном рассмотрении плана Кожевникова и Гришкевича выявляется некий *«типографический дефект»* – нечеткое изображение еще одной братской могилы 1812 г., которая в 1912 г. была не в лесу, а на вырубке, вновь заросшей лесом к нашему времени.

Лишь в июле 1966 г., после длительных поисков, Н.И. Иванов обнаружил еще две братских могилы. Одно небольшое, не более 20 см, повышение грунта в виде прямоугольника, напоминающее обрамление могилы № 1, но в меньших размерах по длине, ширине и высоте. Местонахождение другой указал местный житель.

В этом же году было принято решение провести исследование выявленных погребений для их заверки. Изначально для этого была использована магнитометрическая съемка земли при помощи громоздкого оборудования с последующей сложной и медленной камеральной обработкой полевых изысканий. Это оказалось слишком трудоемким и малоэффективным – медленно и дорого.

Далее была проведена шурфовка могил № 1 и № 2 с помощью солдат из ближайшей воинской части. Руководил раскопками сотрудник музея Константин Николаевич Пчелин. На могиле № 1 одновременно было заложено пять шурфов. На глубине 1,7 м в них проходила грунтовая вода.

В первом шурфе, который был разбит у западной стороны обваловки, на глубине 0,3 м был найден скелет лошади. Опустившись до уровня 0,6 м относительно поверхности земли, удалось раскрыть кости грудной клетки еще одного животного, внутри которой находилось чугунное ядро диаметром 151 мм. В обилии встречались зубы лошадей, конские волосы вперемешку с землей. Глубже лежал человеческий таз и бедренные кости. Следов сожжения здесь не было. Очевидно, почвенный разрез, организованный в этом месте, попал на самый край могилы.

Остальные шурфы, расположенные в центральной части могилы, до глубины 1,6–1,7 м содержали переотложенный материковый суглинок. Ниже пошел суглинок черного цвета, под которым был раскрыт горизонт, состоящий из мелких жженных костей и древесного угля. Среди костей были видны обугленные человеческие позвонки и более мелкие раздробленные кости.

В 1970 г. Н.И. Иванов вместе с начальником Отдела инженерных изысканий А.В. Дерновым и инженером А.И. Плужниковым произвели пробное бурение ручным буром. Место, выбранное для проведения работ, находилось в восточной части могилы № 1 по ее центральной оси в 4 м от восточного края. Бурение показало, что на глубине 1,8 м после горизонта переотложенного суглинка идет слой жженого мелкого угля и костей. Его подстилала прослойка материкового суглинка. Подобная смена прослоек продолжалась несколько раз до глубины 2,3 м. Дна могилы так и не удалось достигнуть. Среди костей также встречались мелкие кристаллы сине-зеленого цвета, очевидно от окислившимся медных деталей обмундирования. Помимо бурения для определения границ могильной ямы был использован метод биолокации. Его данные совпали с визуально читаемыми размерами могилы.

Сплошного раскопа решили не делать, чтобы напрасно не тревожить останки погребенных здесь в ноябре 1812 г. воинов. В то время еще можно было выкопать котлован, провести в нем сожжение останков на дровах, присыпать кострище землей, вновь положить дрова, разместить на них останки погибших людей и лошадей, снова прожечь. Затем повторить эту процедуру несколько раз. Вероятно, в момент окончательной засыпки ямы землей работники могли подтаскивать еще какие-нибудь обнаруженные вблизи останки и кидать их в нее. Засыпка велась землей, вынутой при откопке котлована могилы. Трапециевидная форма могилы в плане указывала на наличие с длинной южной стороны аппарели, т.е. наклонной плоскости, позволяющей затаскивать на дно котлована и размещать сверху останки, принесенные из ближайшего окружения могилы. Затем проводилось сожжение дров с останками, сбрасывание грунта после сожжения, что могло происходить только после остывания углей. Очевидно, могила заполнялась таким способом много дней, так как процесс сожжения требовал значительного времени для выполнения всего цикла работ.

В реальности человеческое тело горит при температуре свыше 1000°C , что достаточно и для плавления медных изделий. Чтобы сжечь человека нормального размера, требуется около 90 мин. Для достижения необходимой температуры нужны дрова из определенных пород деревьев, например дуба.

По расчетам Н.И. Иванова, на каждом отдельном горизонте, при площади могилы в 170 м^2 и однослойной укладке останков поверх дров, принимая площадь тела одного человека равной одному квадратному метру, за один прием могли сжигать до 170 человек. А в четыре или более

приемов – останки не менее 680–700 человек или около 350 лошадей. Подзахоронения, при окончательной засыпке котлована могилы после сожжения, незначительно увеличили это число. После прогнивания несожженных останков и уплотнения грунтов могила просела по всей центральной своей части на глубину около метра.

Вторая братская могила, обнаруженная в 1966 г. в глубине Утицкого леса, также располагалась в створе северо-восточной стены монастыря. Поиск велся также по плану Кожевникова и Гришкевича, здесь обозначены три братских могилы. Обваловка по периметру поднималась лишь на высоту 0,3 м, крупных деревьев на ней не росло. Могила находилась вблизи старой тропы через лес на поляне, в центре которой рос старый дуб.

Под руководством сотрудника музея А.П. Ларионова на могиле был сделан всего один неглубокий шурф глубиной до 0,8 м. При этом были обнаружены зубы лошади, одна подкова, часть русского мундира нового для 1812 г. образца, бывшего в дивизии Неверовского. Пуговицы таких мундиров на груди пришиты не отдельно, а сквозь их «ушки» через весь ряд проходит тоненький длинный ремешок. Он более надежно укреплял все пуговицы сразу. В этой же могиле встречались мундирные пуговицы полков дивизии Компана. Бурение грунтов не проводилось. Выяснить, были ли сожжения в этой могиле, не удалось.

В том же 1966 г. Н.И. Иванов познакомился с жителем станции Бородино А.М. Хлимоновичем. Этот человек указал местоположение еще одной братской могилы 1812 г., которая располагалась в 0,6 км южнее монастыря, южнее памятника полкам генерала Дорохова. На месте был ясно виден небольшой холм. Но эта могила, условно называемая № 3, не была отмечена на карте Кожевникова и Гришкевича и тоже нуждалась в проверке методами археологии.

Впоследствии при обследовании шурфами эта могила оказалась захоронением без сожжения, небольшого размера, подобно могиле № 2. Глубина шурфов составляла 0,8 м. В обоих случаях почти на поверхности земли обнаружены лошадиные зубы и кости.

Позднее удалось установить, что в данной могиле также были погребены русские воины вместе с солдатами дивизии Компана из корпуса Даву, что можно было определить по пуговицам на их мундирах, фрагменты тканей которых хорошо сохранились около медных предметов, окислы их служили консервантом. Но кости останков оказались очень гибкими и пластичными, очевидно, из-за большой влажности грунтов.

В 1966 г. Н.И. Иванов сделал проект реставрации и благоустройства этих трех могил в Утицком лесу. В основу проекта положена простая

подсыпка грунта в высоту в пределах самой могилы, устройство дорожек для подхода к ним и обхода вокруг могил, а также установка мемориальной пояснительной доски, обложенной вокруг небольшими валунами естественного происхождения без какой-либо их обработки. Текст надписи на граните выполнил А.Н. Троицкий: «Братская могила воинов, павших за Отечество, 26 августа (7 сентября) 1812 года». Надпись эта одинакова для всех трех могил.

Сами реставрационные работы на двух первых братских могилах начались 24 августа 1967 г. (третью могилу так и не облагородили). Для подсыпки холмов над братскими могилами (потребность в этом возникла из-за прогнивания останков, уплотнения и осадки изначальных могильных земляных подвышений) землю привозили из котлована на месте разрушенной в Можайске Троицкой церкви, где начали строительство Дома культуры.

По мнению Н.И. Иванова, в братскую могилу попадали тела только из ближайшей округи. Транспортировка трупов на большие расстояния не производилась. По-видимому, легче было отрыть котлован в другом месте, после того как рвы укреплений, овинные ямы и погреба были уже использованы. Котлованы для братских могил, похоже, отрывались близ проселочных дорог на опушках лесов, у просек, на луговых участках, но не пашнях, чтобы не портить их.

Типичным для всех трех могил стало то, что и русские, и французы, и лошади похоронены вместе. Останки солдат лежали вперемешку, многие были без мундиров, снятых мародерами. *«Нужно было лишь освободить поле и предотвратить эпидемии»*³. Работы велись осенью 1812 и весной 1813 г. военными похоронными командами и крестьянами из близлежащих деревень.

Захоронения из раскопок центральной Багратионовой флешы

Первой в полной мере научной задачей, которая решалась с 1972 по 1987 г. сотрудниками Бородинского музея и археологом Е.И. Моревым, работавшим в архитектурно-реставрационной мастерской № 5 Института «Спецпроектреставрация», являлось открытие и восстановление истинных рвов «батареи Раевского» и «средней Багратионовой флешы»⁴.

В октябре 1974 г. были произведены разведочные археологические раскопки на историческом памятнике Отечественной войны 1812 года – «среднее укрепление Багратионовых флешей».

Накануне Бородинского сражения, 25 августа 1812 г., в полукилометре к югу от д. Семеновское, на небольших холмообразных возвышениях были сооружены три полевых укрепления, получивших историческое название «Багратионовы флеши». Позднее на этом месте был построен комплекс Спасо-Бородинского монастыря. Первым памятником этого комплекса стал храм Спаса Нерукотворного, увековечивший подвиг погибшего здесь генерала А.А. Тучкова 4-го.

Апсида храма, ориентированная в направлении запад-северо-запад – восток-северо-восток, выходит своим фасадом на остатки среднего укрепления. При наружном наблюдении Е.И. Морев сделал предварительный вывод, что первая планировка на остатках укрепления, по вершине холма, была сделана в 1818–1820 гг., когда подготавливалась площадка для строительства храма Спаса Нерукотворного.

До производства раскопок площадка была обследована методом биофизической локации оператором А.И. Плужниковым и архитектором Н.И. Ивановым. Эти исследования по зафиксированным аномалиям позволили предположить, что ров укрепления, «полуподковой» охватывающий подножие сохранившейся восточной части холма, в плане имеет форму люнета с одним небольшим левым фланком. Угол соединения фасов ориентирован на юг.

Раскопки для проверки данных биофизической локации и уточнения конфигурации полевого укрепления были проведены с помощью четырех поисковых траншей, разрезавших в двух местах юго-восточный склон холма и в двух – у его подножия.

Эти почвенные разрезы показали, что верхняя площадка холма, где была сооружена артиллерийская батарея, перед строительством храма Спаса Нерукотворного была подрезана с таким расчетом, чтобы по краю возвышенности остался невысокий полуметровый парапет, имитирующий бруствер флеши. Оригинальный вал был сброшен французскими саперами в ров после окончания сражения.

Позднее в ходе строительства келейных корпусов в 1860-х годах, чтобы выровнять и расширить перед ними территорию, с юга и с востока была сделана врезка в склон холма. Таким образом, был уничтожен значительный объем рва, сохранились лишь его остатки вдоль внутренней стенки (эскарпа) и придонная часть.

Исследованные участки рва были плотно заполнены перемешанными останками русских и французских воинов, разделить их все на отдельные костяки было невозможно (удалось вычленить 24 индивида). В большинстве случаев скелеты лежали вдоль оси рва укрепления. Вперемешку

с человеческими останками были встречены и костяки лошадей, у одной из них между ребер располагался ружейный шомпол, который, по мнению автора раскопок, послужил причиной ее смерти.

По свидетельству очевидца и непосредственного участника событий Г.У. Росса, французы после захвата «Багратионовых флешей» прямо в ходе сражения *«принялись за разрушение этих окопов и засыпают трупы земель этих окопов»*⁵.

Приведенные факты свидетельствуют о вторичном использовании элементов фортификации для захоронения павших, а перемешанность костей свидетельствует о многоярусности погребения. Таким образом, археологизация предметов вооружения, снаряжения и человеческих останков началась непосредственно в процессе битвы.

Архивные исследования документов, отражающих ход работ 1812–1813 гг. по захоронению участников Бородинского сражения

После изгнания армии Наполеона с Можайской земли одной из острейших проблем стала задача по сбору тел погибших в битве людей и останков лошадей. Вот какая картинка предстала перед саксонским лейтенантом Ф. Меерхаймом, проезжавшим через Бородино во время отступления из Москвы: «Здесь лежали целые линии пехоты в том же порядке, как они противостояли друг другу: на холмах и под ними, но особенно много было павших у редутов и там, где были сожжены мосты, на расстоянии едва в 30 шагов, по берегам реки. Павшие лежали здесь еще в полном обмундировании и большей частью с оружием в руках, прекрасно выровненным строем и часто поваленные сплошными рядами; причем особенно бросались в глаза русские солдаты, под обрывистым берегом Колочи. Они стояли на ногах, а именно в две шеренги; так как отвесный берег служил им опорой, они стояли, или сидели, согнувшись в вызывающих ужас живых позах»⁶.

Анализ и сбор данных по проблеме захоронений провел старший научный сотрудник Бородинского музея А.А. Суханов⁷. Собранные им источники *представлены* несколькими *разновидностями* документов: ведомостями учета проводимой работы по уборке мертвых тел и конских падалей; сопроводительными рапортами к ведомостям и рапортами Можайского предводителя и исправника к московскому генерал-губернатору и гражданскому губернатору; сопроводительными документами из казенной палаты о препровождении денежных средств на оплату расходов по уборке; ведомостями о сожженных селениях, мостах; предписаниями квартальным поручикам об отпусках и сроках выезда для

возобновления работ, указаниями о медицинской помощи занятым на работах, черновыми записями расписания уезда по дистанциям уборки и другими материалами.

При изучении основного вида документов – ведомостей учета работы по уборке мертвых тел и конских падалей – было установлено, что Можайский уезд разделили на четыре дистанции. Основная территория Бородинского сражения попала во II и III дистанции сбора, ответственными были назначены капитан Жилин, поручик Бакшеев и волоколамский заседатель Фролов. В эту зону, в первую очередь, входили территории от с. Бородина и д. Горки к деревням Семеновское, Князьково, Утица, Доронино, Шевардино, Валуево, с. Ельня с принадлежащими им дачами и полями. Общее руководство работами на всех дистанциях осуществлял можайский исправник Ф.И. Кобылин.

Первой установленной датой начала работ можно считать 10 ноября 1812 г. Несмотря на то, что поле было поделено на дистанции и выделены достаточные команды рабочих, уборка в зимнее время шла неравномерно в связи с отсутствием дорог, глубоким снегом, несвоевременным поступлением денег, а порой и нехваткой «корму». Однако уже к 7 марта все дистанции были обследованы и останки «в видимых местах кроме лесов и оставшихся по глубокости снегу оврагах все собраны и преданы сожжению». 12 марта работы по уборке трупов были фактически завершены.

К дистанциям приписывались специальные рабочие команды из близлежащих деревень, в основном из-за Москвы-реки, Волоколамского уезда и верховьев р. Протвы, наименее всего пострадавших от боевых действий. Эти деревни поставляли крестьянские команды-артели по 10 человек с двумя подводами. Работали понедельно, рабочим полагалось платить в день по 50 копеек, выдавалось по две чарки вина.

Отдельные команды занимались уборкой трупов из обывательских погребов, колодцев и домов. Оттепель работам только мешала, из-за разливавшейся воды передвижение по дорогам было затруднено. С приходом весны очистили пруды и другие водоемы.

15 января Московская комиссия провела проверку хода уборки, возглавили ее дворянский заседатель Кочергин и советник Матвеев. Комиссия установила, что «во всех местах при обозрении трупов не видно ибо оные предварительно уже убраны при постороннем и при местном собранными рабочими крестьянами при местном тута наблюдении четырех чиновников». Здесь же члены комиссии видели свезенных к ямам для сожжения до 5000 человеческих тел и до 4000 лошадиных трупов.

В ведомостях сохранился сопроводительный рапорт, который был направлен губернскому предводителю Арсеньеву с подтверждением, что «некоторые (ямы. – Д.С.) разрывались для проверки. Все зарыто довольно глубоко».

В итоге на III дистанции, где прошли основные бои битвы, было убрано 30 958 человеческих тел и 29 663 лошадиных трупов (по данным А.А. Суханова), тогда как на всем театре военных действий – 52 048 и 36 820. Соответственно, почти половина от общего количества людских потерь и три четверти лошадей. Непосредственно на самом Бородинском поле убрано 34 832 трупа людей и 38 746 останков лошадей, из которых зарыто в 46 ям 4 043 и 8 653, а сожжено 30 789 и 27 342.

Информация о глубоко вырытых могилах, которую мы почерпнули из ведомостей учета, имеет и свое подтверждение.

Сообщение С.П. Возчикова-Чернова

В 1941 г. на территории Спасо-Бородинского монастыря располагался полевой подвижной госпиталь ППД №670⁸. Сохранились воспоминания начпрода этого госпиталя С.П. Возчикова-Чернова. По его словам, личный состав госпиталя сразу же по прибытии приступил к открытию блиндажей в прилегающем к монастырю лесу на случай бомбежки. В процессе этих работ на глубине 1,2–1,5 м солдаты очень часто наталкивались на сплошной слой полуразложившихся костей толщиной 20–25 см.

Эта информация соответствует приведенным выше сведениям Н.И. Иванова. Он отмечал, что братские могилы имеют слоистую структуру. Именно такую мощность в открытых им могилах имели горизонты костных останков, которые были перекрыты горизонтами стерильного грунта.

Выражаю глубокую признательность за предоставление данной информации А.А. Суханову и его коллегам по отделу.

Материалы раскопок двух братских могил в с. Бородине

В 2009–2011 гг. в с. Бородине Можайская археологическая экспедиция Института археологии РАН совместно с Центром исторических и градостроительных исследований проводила под руководством Б.Е. Янишевского и А.Ю. Балашова археологические работы, направленные на воссоздание дворцово-паркового ансамбля.

В итоге на территории усадьбы А. Бегичевой (Давыдовой) было обнаружено санитарное захоронение, устроенное в подпольной яме амбара,

имевшего каменный фундамент. Само строение в 1812 г. во время сражения сгорело. Яма имела размеры 6 x 6,5 м и глубину около 2 м. В ней было обнаружено 11 человеческих скелетов и останки, как минимум, 61 животного (56 лошадей, четырех коров, одного мула). Захоронение, вероятнее всего, было проведено сразу после сражения, потому что большая часть скелетов лежит в анатомическом порядке, отсутствуют следы разрушения мягких тканей и погрызов падальщиками. Три особи имеют поперечные переломы трубчатых костей конечностей, возможно, послуживших причиной смерти животных. На костях нескольких особей имеются отверстия, которые можно интерпретировать как пулевые.

Часть особей являются представителями аборигенных степных и лесных пород – лошади русской легкой кавалерии и местные крестьянские; большая часть – представители европейских заводских пород – армейские строевые лошади офицерского состава пехоты русской и французской армий, из которых некоторые особи имеют высококровное происхождение (с примесью восточных пород, английской чистокровной); несколько особей представляют тяжеловозные французские породы – артиллерийские орудийные.

Это захоронение имеет заметное отличие от других, в нем практически отсутствуют предметы упряжи и обмундирования, нет блях и пряжек конской сбруи, и даже подков. Найдено всего несколько штук мундирных пуговиц⁹.

На участке раскопа «Мойка» была обнаружена еще одна могила, в которой были обнаружены скелеты трех человек. Размеры ямы: примерно 3 x 1,5 м, глубина 0,2–0,3 м. По всей видимости, это специально вырытая могила, в которую положили одного индивида и сбросили останки еще двух. Кости первого воина располагались в анатомическом порядке, двое других лежали в скорченных позах.

Захоронение французского солдата на «Курганной высоте»

В 2012 г. накануне празднования 200-летнего юбилея на Батарее Раевского проводились археологические раскопки. В ходе этих исследований на участке раскопа севернее места соединения фаса и правого фланка была обнаружена *Яма 1*, которая оказалась могилой французского солдата¹⁰. В плане объект имел подпрямоугольную форму (размеры 1,9 x 1,2 м), длинной осью ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. То есть общее направление в сторону с. Бородина. Глубина ямы 0,1–0,24 м, вырыта преимущественно в подзоле, в сечении имеет

подпрямоугольную форму. Дно ямы плоское, имеется уклон к югу. Изначальные габариты могилы не известны, так как западная оконечность перебита окопом 1941 г.

При разборе заполнения ямы были обнаружены костные останки одного человека и разрозненные кости лошади. Нижние конечности и таз лежали в анатомическом порядке в ее южной половине. Правая часть таза частично разрушена. Останки ориентированы по оси северо-запад – юго-восток. Кости рук, ребра, ключица лежали хаотично в различных частях ямы. Череп и нижняя челюсть находились в районе таза. Кости позвоночника отсутствовали. Останки лошади располагались хаотично.

Среди костей были обнаружены пять мундирных пуговиц 9-го французского линейного полка (и/н № 83, 85, 88, 89, 91), которые располагались в центральной и северной части могилы. Также был обнаружен кованый гвоздь без шляпки (и/н № 86), две ружейные пули (и/н № 84, 87, диаметр которых, около 16,5 мм, схож с калибром русского пехотного ружья).

Предположительно, это погребение было сделано практически сразу после сражения оставленным здесь французским отрядом или однополчанином погибшего. По-видимому, появление этой ямы можно датировать 27 августа – сентябрем 1812 г. Кости лошади попали в погребение позднее, когда западнее, почти вплотную, была вырыта другая, более крупная могила, их разделил вход в окоп 1941 г., обнаживший угол этого объекта. При забросе ямы с костями лошадей землю для засыпки брали вокруг и случайно прокопали могилу солдата, нарушив таким образом северную часть скелета.

Но не только одиночные могилы следует искать на Батарее Раевского. Во рву укрепления в ходе раскопок левой и правой полутеналей правого фаса было обнаружено немного человеческих останков. Однако в левом фаса, вполне вероятно, существуют захоронения. Об этом есть устное сообщение сотрудника Бородинского музея А.А. Суханова. По его словам, в 1974 г. он со своим коллегой В.Е. Чижовым вырыли несколько траншей, в одной из них были обнаружены остатки левой оконечности правого фаса¹¹. В ходе наших раскопок данный перекоп был зафиксирован¹². Суханов утверждал, что они обнаружили в траншее порядка десяти черепов.

Также можно привести слова участника Бородинского сражения Н.Н. Муравьева, который оказался на месте битвы через четыре года: «Стоило только несколько взрыть землю на Раевского батарее, чтобы найти человеческие остовы. Я поднял одну голову со вдавленным

в одной стороне (вероятно картечью) черепом и послал ее в Петербург к брату Михайле»¹³.

Подтверждение этому мы нашли в процессе раскопок левого фаса укрепления. Здесь после снятия дерна была обнажена поверхность рва, на которой сразу были обнаружены человеческие останки, принадлежащие русскому солдату¹⁴. Следов могилы обнаружено не было.

Обследование братских могил № 1–3

Одним из базовых направлений изучения Бородинского поля является поиск и исследование коллективных захоронений участников Бородинского сражения. Для того чтобы поиск был эффективным, необходимо было понять, что собой представляют археологические объекты подобного рода. Опробовать эффективность такого метода поиска, как бурение. Подтвердить выводы архитектора-реставратора Н.И. Иванова, который не являлся профессиональным археологом, о наличии братских могильников № 1–3.

В 2013 г. были проведены работы на братской могиле русских воинов № 2, расположенной на Бородинском поле в Утицком лесу, в 0,7 км к востоку-юго-востоку от Спасо-Бородинского монастыря¹⁵.

Было проведено бурение могильной насыпи. С помощью мотобура были вынуты керны из могильной насыпи, которые позволили до шурфовки определить общую стратиграфию насыпи и наличие костных останков в грунте.

Далее был заложен шурф общей площадью 16 м². В ходе работ была вскрыта южная четверть могильной насыпи, под которой был обнаружен край заглубленного в материк археологического объекта. Заполнение могилы было выше уровня материка на 0,25 см. Глубже уровня материка раскопки могильной ямы не велись. Разборка ее верхнего заполнения позволила удостовериться, что это могильная яма. Заполнение объекта произведено мешанным пятнистым светло-серым суглинком с темно-серым суглинком, белесой супесью и желто-бурым суглинком, насыщенным костными человеческими и лошадиными останками. Большая часть останков лежит разрозненно, однако некоторые костяки лежат в анатомическом порядке. В процессе раскопок собрана коллекция артефактов 1812 г., насчитывающая 17 предметов: 12 гладких русских мундирных пуговиц, крючки-невидимки, ухналь, квадратная гайка.

Сама насыпь имела два основных горизонта. Внешняя, наиболее значительная насыпь была сооружена в 1967 г. Внутри нее было обнаружено

тело насыпи 1812–1813 гг. Форму могильной ямы проследить не удалось, скорее всего, она прямоугольная. Ее обнаруженный борт прямолинеен и ориентирован с севера на юг. Поздняя насыпь была сооружена с отклонением к северо-западу.

Вышеописанное позволило подтвердить эффективность поиска могильников с использованием мотобура.

Выражаю свою глубокую признательность М.И. Гоняному за предоставленную возможность использовать неопубликованный материал из его полевых отчетов.

Основные направления и заключения по поиску погребений

Теперь становится очевидным, что основная масса захоронений была проведена специальными командами русских крестьян из окрестных деревень в период осень 1812 г. – весна 1813 г. на всей территории театра военных действий Бородинского сражения. Специально выкопанные могильные ямы имели различные размеры, которые зависели от количества уложенных несожженных тел и праха сожженных. Работа по очистке территории шла поэтапно, команды рабочих предварительно собирали тела в кучи, привозили необходимое количество высококачественных дров, которые позволяли достичь необходимой температуры горения. В специально выкопанную могилу клали как целые трупы, так и пепел от сожженных тел, все это засыпалось небольшим слоем земли, повторялась эта процедура несколько раз.

Погребения, которые располагались в лесу или на неудобьях, заполнялись останками практически доверху, над ними насыпался лишь холм. Отсюда и обваловки на братских могилах № 1 и № 2, найденных Н.И. Ивановым. На третьей братской могиле сохранилась насыпь, что свидетельствует, скорее всего, о ее небольшой глубине. Могилы, устроенные в полях, засыпали значительным по мощности слоем грунта – около метра от верха ямы. После просадки эта глубина возрастала до полутора метров.

Остается открытым вопрос, где происходило сожжение тел, в яме или рядом на поверхности. Так как трупы собирались зимой, они занимали значительный объем могилы при малой плотности. После истлевания мягких тканей, грунт давал значительную просадку, преимущественно в центре погребения. Величина проседания почвы зависела в первую очередь от глубины ямы, а также от количества и многоярусности похороненных несожженных тел. Со временем образовавшееся понижение нивелировалось за счет грунта, принесенного дождевыми и талыми водами.

Теперь нам известно минимальное количество братских захоронений, которое мы можем обнаружить на Бородинском поле. В ведомостях учета указано 46 могильных ям (три из них найдены Н.И. Ивановым).

Вторичное использование подпольных ям жилых или хозяйственных построек в качестве захоронений, подобных погребению в усадьбе с. Бородина, было организовано в период с 24 августа, после Шевардинского боя, по 19 октября, когда французы, отступая, оставили эти территории. Позднее наши специальные команды освобождали погреба от тел, но те сооружения, которые оказались засыпанными, уже не раскапывали.

Останки воинов были обнаружены не только на центральной Багратионовой флеша, но и во рву Батареи Раевского, хотя и в меньшем количестве. Могилами также могут служить «волчьи ямы», цепь которых раскинута перед Курганной высотой. Также на Бородинском поле есть много пехотных ретраншементов и артиллерийских укреплений, которые так или иначе могли быть использованы для захоронения павших сразу после боя.

Более того, в процессе исследования Батареи Раевского, а точнее ее внутренней части – манежа, не было обнаружено ни одной могилы. Хотя существуют свидетельства о захоронении на батарее двух французских генералов О. Коленкура и Ж.-П. Ланабера¹⁶. Разрушить их при возведении Главного монумента в 1837 г. не могли, так как работы велись вручную, и пропустить останки полководцев невозможно, такое событие сразу стало бы известным.

В 2012 г. на северной окраине раскопа правого фланка укрепления, неподалеку от могилы французского солдата 9-го линейного полка, нами были обнаружены оконечности еще трех объектов, уходящих в борт, габаритами и ориентировкой похожих на одиночные могилы¹⁷. Кроме того, вышеописанная могила с костями лошадей, угол которой был нами зафиксирован в ходе раскопок, также может содержать и человеческие останки. К сожалению, тогда, в преддверии 200-летнего юбилея, сроки, отведенные для проведения археологических работ, были максимально урезаны, и в итоге исследовать их не удалось.

Дальнейший поиск братских захоронений следует проводить, используя схему Кожевникова и Гришкевича. Качество вычерченной ими карты довольно высокое, что позволяет наложить ее на современные топографические карты, что облегчит задачу по поиску этих могил. Как мы уже говорили выше, лишь две могилы из шестнадцати, отмеченных на нем, выявлены Н.И. Ивановым.

Есть и пожелание, чтобы в будущем братская могила № 3 была облагорожена: воздвигнута более крупная насыпь, так как старая еле выступает над поверхностью, и проложена к ней пешеходная дорожка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Научно-технический архив Мособлстройреставрации: №123–72: *Иванов Н.И.* Братские могилы 1812 года в северной части Утицкого леса близ флешей Багратиона (3 могилы) // Проект заповедника Бородино. Т. 7: Реставрация памятников. Кн. 2: Технорабочий проект: объекты №13-а, №14-в. М.: 1971.

² 1812–1912: Бородино: Путеводитель / Сост. Секретарь Общества ревнителей военных знаний, Генерального штаба Полковник А. Балтийский. СПб., 1912.

³ Научно-технический архив Мособлстройреставрации: №123–72: *Иванов Н.И.* Братские могилы 1812 года в северной части Утицкого леса близ флешей Багратиона (3 могилы) // Проект заповедника Бородино. Т. 7: Реставрация памятников. Кн. 2: Технорабочий проект. Объекты №13-а, №14-в. М.: 1971. Л. 8

⁴ *Морев Е.И.* Отчет об археологических раскопках, произведенных в октябре 1974 г. на историческом памятнике Отечественной войны 1812 г. «Среднее укрепление Багратионовых флешей» (Бородинский Государственный музей-заповедник). Можайский район Московской области // Проект заповедника Бородино. Т. 2: Ист. обоснования. Ч. III. Инв. № 86. М., 1976.

⁵ *Роос Г.У.* С Наполеоном в Россию. М.: Наследие, 2003. С. 51.

⁶ *Попов А.И.* Приключения иностранца в России в 1812 г. по мемуарам А. Адама // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов: Материалы Междунар. науч. конф., 3–6 сентября 2014 г. / Сост. А.В. Горбунов. Бородино, 2015. С. 395–396.

⁷ *Суханов А.А.* Отчеты Можайских властей о захоронении на Бородинском поле в 1812–1813 гг. павших воинов // Бородинское поле: музей и памятник. К 165-летию основания Бородин. музея-заповедника: Сб. науч. исследований / Сост. А.В. Горбунов. М.: Полиграф-сервис, 2005. С. 73–90.

⁸ *Возчиков-Чернов С.П.* В полевом подвижном госпитале // Воен.-мед. журн. 1981. № 11. С. 10; Архив Военно-исторического музея-заповедника «Бородинское поле». НВФ – 2638/9. Д. № 164.

⁹ *Спасская Н.Н., Янишевский Б.Е.* Лошади из санитарного захоронения 1812 г. в селе Бородино: идентификация пород // Зоолог. журн. М.: Наука, 2013. Т. 92. № 9. С. 1162–1178.

¹⁰ *Гоняный М.И.* Отчет о результатах проведения археологических работ по приспособлению (музеефикации) и благоустройству объекта

культурного наследия «Батарея Раевского» (раскопки). Раскопы 1м-0,2 на «Батарея ген. Н.Н. Раевского». Наблюдения за работами по прокладке пешеходных дорожек на Южной Багратионовской флеша и по реконструкции отмотки вокруг Церкви Спаса Нерукотворного Образа в Спасо-Бородинском монастыре в 2012 г. М. 2013 // Архив ИА РАН. Р-1. № 00440.

¹¹ Данные работы упоминаются в отчете Е.И. Морева. См.: Научно-технический архив Мособлстройреставрации. Проект заповедника Бородино. Т. 2: Ист. обоснования. Ч. IV. М., 1976.

¹² *Гоняный М.И.* Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах на памятнике истории и культуры «Бородинское поле» в Можайском районе Московской области в 2007 г. Раскоп 1 на «Батарея ген. Н.Н. Раевского». М., 2018 // Архив ИА РАН. Р-1. № 00318.

¹³ Записки Николая Николаевича Муравьева // Рус. архив. 1885. Кн. III. № 11. С. 337–408.

¹⁴ *Гоняный М.И.* Отчет о результатах проведения археологических работ по приспособлению (музеефикации) и благоустройству объекта культурного наследия «Батарея Раевского» (раскопки).

¹⁵ *Он же.* Отчет о результатах разведочных археологических исследований, нацеленных на поиск братских погребений 1812 г., расположенных на Бородинском поле в Можайском районе Московской области в 2013 г. М., 2014. // Архив ИА РАН. Р.1 №00447.

¹⁶ *Fain A.-J.-F.* Manuscrit De Mil Huit Cent Douze: Contenant Le Précis Des Événemens De Cette Année, Pour Servir À L'histoire De L'empereur Napoléon. Bruxelles: Chez H. Tarlier libraire-éditeur, 1827. Т. 2. Р. 36–37.

¹⁷ *Гоняный М.И.* Отчет о результатах проведения археологических работ по приспособлению (музеефикации) и благоустройству объекта культурного наследия «Батарея Раевского» (раскопки).